

ОТ РЕДАКЦИИ

Долгое время событиям Первой мировой войны почти не уделяли внимания, были забыты героические страницы борьбы на белорусских землях.

Созданный по решению Президента Республики Беларусь А.Г.Лукашенко мемориал в честь героев и жертв Первой мировой войны на Минском братском воинском кладбище знаменует собой восстановление исторической справедливости.

«ЗДЕСЬ ГАЗЫ И ОГОНЬ – ТАМ ЗОЛОТО, БРИЛЬЯНТЫ»: ТЫЛОВОЙ БЫТ БЕЛАРУСИ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1914–18 ГГ.

Вячеслав БОНДАРЕНКО,
член Союза писателей Беларуси

Первая мировая война (впрочем, в 1910-х гг. ее так не называли – никто ведь не знал о том, что будет Вторая...) началась для нынешней Беларуси, как и для всей Российской империи, с объявления всеобщей мобилизации 18 июля 1914 г. Два дня спустя был опубликован Высочайший манифест, разъяснявший причины и цели новой войны. Ответом общества на публикацию документа стал мощный патриотический подъем. В Минске, Витебске, Гомеле, Могилеве состоялись массовые патриотические манифестации, среди которых встречались и достаточно необычные по составу, например, белорусско-еврейские. Мобилизация по всей стране прошла блестяще, огромное количество людей записывалось в армию добровольно. Всего, по разным оценкам, из белорусских губерний в Русскую Императорскую армию было призвано от 800 до 923 тыс. человек.

Общее руководство вооруженными силами страны осуществлялось с территории Белоруссии. Ставка Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича разместились в Барановичах, где находилась до 9 августа 1915 года. Затем Ставка по соображениям безопасности перебазировалась в Могилев.

В начале августа 1914 года согласно приказу министра внутренних дел началась депортация из Беларуси находившихся там подданных Германии и Австро-Венгрии мужского пола от 18 до 45 лет, за исключением заведомо больных и неспособных к военной службе. Вывозили их «в вагонах III класса за собственный счет под стражей, причем в местах, назначенных для их жительства, они должны довольствоваться в смысле жизненных удобств лишь самым необходимым». Высылке в первый год войны подверглось свыше 50 тыс.

мужчин, из них 30 тыс. этнических немцев. 17 августа 1914 года МВД уточнило, что не подлежат высылке подданные Австро-Венгрии и Германии – чехи и галичане, французы из Эльзаса и Лотарингии и итальянцы, но «если только все они не подозреваются в шпионстве». Русинам и сербам из Австро-Венгрии и вовсе разрешалось жить в любом месте России, дав честное слово и подписку не покидать страну и не предпринимать ничего ей во вред.

С 21 августа 1914 года полицеймейстерам было предписано установить наблюдение за проживающими в Беларуси китайцами, с 25 октября – за лютеранскими пасторами, а 28 октября – за лицами, исповедующими ислам.

Многим подобные меры безопасности казались надуманными. Однако, как следует из источников, Германия действительно предпринимала во время Великой войны множество изопренных шагов, направленных на развал противника изнутри. Немцы создали как минимум 7 разведшкол, в которых обучались согласившиеся сотрудничать с ними военнопленные, они размещались в Люб-

лине, Любимшеве, Станиславове, Кукушине и две – в Варшаве. Одна такая школа действовала и в белорусском Новогрудке. Школы готовили агентов для работы в прифронтовой полосе. Их подготовка длилась не более трех недель и включала в себя изучение стрелкового оружия, подрывного дела, способов ориентировки на местности.

Кроме того, летом 1916 года Департамент полиции разослал во все армейские контрразведывательные отделения циркуляр, предупреждающий о том, что «немцы и австрийцы, изощрявшиеся в изыскании самых утонченных приемов шпионства, в целях сделать его совершенно неуловимым для ведущих борьбу с ним органов, прибегают к комплектованию шпионских кадров детьми и подростками». 12–16-летние подростки вербовались в Польше и Белоруссии насильно, проходили обучение в Варшавской разведшколе, а затем забрасывались под видом беженцев через линию фронта.

Кроме того, шпионили в пользу противника и многие сотрудники российских фирм, принадлежавших немцам и австрийцам. Как следовало из совершенно секретной ориентировки в отношении фирмы «Зингер и Ко», изданной 27 января 1915 года, эта фирма являлась «чисто немецким предприятием и всем ее служащим, начиная с высших и заканчивая самыми низшими, вменено в обязанность собирать те или иные сведения о России, могущие иметь значение для военных целей, каковые сведения впоследствии передаются в Германию». Во время обысков в офисах «Зингера» в Речице и Игумене было обнаружено большое число бумаг, касающихся развития железных дорог, с подробным указанием расположения всех веток, включая узкоколейные и частные.

Одним из самых серьезных нововведений военной эпохи стало принятие «сухого закона» (18 июля 1914 года) Сначала запрет касался только водки и был введен на время мобилизации, но 22 августа его распространили на всю другую алкогольную продукцию, включая пиво, и продлили вплоть «до особого распоряжения Верховного Главнокомандующего». Интересно, что население встретило реформу с полным пониманием и одобрением. Практически исчезло хулиганство, в разы сократилось число пьяных самоубийств и резко возросло число прихожан в храмах.

Жизнь белорусских городов в 1914–1917 годах невозможно представить себе без огромного количества госпиталей и лазаретов, развернувшихся с началом боевых действий. Среди них были стационарные и подвижные, государственные, принадлежавшие общественным организациям и даже частные (многие богатые горожане открывали госпитали в собственных квартирах).

Вплоть до лета 1915 года сражения Великой войны проходили далеко от белорусских земель. Однако затем ситуация изменилась. Начиная с июня 1915 года в Беларусь хлынул поток беженцев из Польши. И если еще 4 июля главный начальник снабжения штаба Северо-Западного фронта генерал Н.А.Данилов предлагал житомирскому, люблинскому и холмскому губернаторам «разгружать» их губернии от беженцев путем отправки их «по обычным дорогам в Кобринский и Пружанский уезды», то уже 9 июля руководство Союза Городов с тревогой оповещало Данилова о том, что Кобрин уже переполнен беженцами и просил их направлять дальше на восток, в Пинск. О толпах беженцев, скопившихся в Минской губернии, с тревогой писал в начале июля главный начальник Минского военного округа. Он просил «направлять всех беженцев за Днепр в губернии с более благоприятными условиями для них – в Могилевскую и Смоленскую». 11 июля Данилов согласился с этим предложением и просил главу округа срочно подготовить под Могилевом и Смоленском «новые районы сосредоточения беженцев».

25 июля 1915 года на фронтах были введены должности Главноуполномоченных по беженцам. Они определяли порядок выселения с территории фронтов, направления и способы транспортировки беженцев на новое место жительства в глубь империи, были обязаны обеспечивать беженцев продовольствием, медицинской и ветеринарной помощью. Для исполнения этих целей Главноуполномоченные имели право получать денежные средства из казны.

К осени 1915 года на линии фронта была развернута полоса передовых фильтровочных пунктов, где беженцы получали первую помощь, продовольствие и откуда направлялись далее в тыл. В Витебске, Минске и Гомеле действовала вторая линия пунктов – оттуда беженцы направлялись вглубь России.

Однако транспорт был слишком загружен военными перевозками. Поэтому огромное количество беженцев – по некоторым сведениям, не меньше 1 млн 300 тыс. человек из Польши, Литвы, Курляндии и Вольни – оседало в Белоруссии. К осени 1915 года только в Витебске скопилось около 90 тыс. беженцев, в Минской губернии – 120 тыс., в Гомельской – около 300 тыс. Далекое не все они размещались в должных условиях. Например, под железнодорожной станцией Койданово под открытым небом ютилось 35 тыс. человек, в имении Хмельники возле Бобруйска – 40 тыс., под Речицей – 64 тыс., в Минске – 13 тыс. (из которых за несколько дней 1516 умерло). Военная цензура отмечала «самое участливое, гуманное отношение» к беженцам среди местного населения. Принимались и административные меры к тому, чтобы облегчить их участь. Например, в Минской и Могилевской губерниях мужчины в возрасте от 18 до 50 лет были обязаны за плату работать по разгрузке на станциях составов с вещами эвакуированных.

Русский генерал-майор П.К.Кондзеровский так описывал шоссе Барановичи – Минск в середине августа 1915 года: «В эти дни шоссе это, обычно безлюдное, сплошь занимала непрерывная вереница повозок: это тянулись беженцы из западных губерний, спасавшиеся от «германа». Нагруженные домашним скарбом повозки, на которых было устроено что-то вроде шалаша, где не-

редко помещалась многочисленная семья и тут же куры и утки, рядом с повозками коровы, – все это тянулось и тянулось на восток, оставляя то тут, то там, вдоль дороги, небольшие холмики с крестами, где хоронили какого-нибудь малютку, не выдержавшего этого долгого пути во всякую погоду. Тут же валялись трупы лошадей и коров, павших от усталости и истощения».

Надо сказать, что эвакуация мирного населения из прифронтовой полосы во многом была насильственной. В первую очередь эвакуировалось мужское население в возрасте от 15 до 45 лет – тем самым люди спасались от насильственного призыва в германскую армию или угона на чужбину. Местечко или село оцеплялось казаками, на сборы давался час. Люди успевали забрать с собой только самое необходимое. Скот распродавался за бесценок: корова за 7–8 рублей, курица за несколько копеек.

«Разгрузить» Белоруссию от беженцев в целом удалось только в октябре 1915 года. В целом, по данным Всероссийского Союза Городов, к 1 июня 1916 года в тыловых губерниях России (главным образом Тамбовской, Самарской, Саратовской, Калужской, Уфимской, Казанской, Екатеринославской, а также Петрограде и Москве) насчитывалось 2758 тыс. беженцев, в том числе 38% из Гродненской, 3,8% – Виленской и по 3,7% процента – из Минской и Витебской губерний. Из белорусских губерний, спасаясь от наступающего врага, бежало, по разным оценкам, от 1130 до 1320 тыс. человек. Далеко не все они вернулись после войны в родные места, многие потеряли родственников.

В связи с приближением фронта из Беларуси были эвакуированы 201 учебное заведение и 432 промышленных предприятия. Только из Минска и его округа были эвакуированы предприятия «Технолог», «Энергия», «Орел», «Быстроход», «Руст» (все в Москву), фирмы Ашаровича, Якобсона, Лившица (в Ярославль). Оставшиеся 139 выполняли в основном военные заказы. На полную мощность работали швейные, обувные, текстильные предприятия, хлебопекарни. К примеру, при были Речицкой проволочно-гвоздильного завода выросли больше чем в 16 раз. Мирные жители массово привлекались к постройке военно-инженерных сооружений, дорог, рытью окопов. Так, в Гродненском уезде из 17,5 тыс. трудоспособных мужчин к «казенным работам» летом 1915 года было привлечено 10 тыс., а в Новогрудском уезде – почти все его население. Для нужд армии реквизировались и лошади, всего 2,5 млн голов.

Продолжалась и мобилизация в Действующую армию. В белорусском тылу спешно формировались ополченские дружины, из которых затем создавались пехотные дивизии 3-й очереди. Создание дружин носило массовый характер. Например, в Гродно было сформировано 3 таких дружины, в Брест-Литовске – 7, в Витебске – 9, в Могилеве – 14, в Минске – 21. Часто такие дружины целиком шли на формирование той или иной дивизии. Благодаря этому мы сейчас знаем, какие соединения армии в 1915 году были практически целиком белорусскими по своему составу. Например, 106-я и 110-я пехотные дивизии были укомплектованы гродненцами, а 127-я (Староконстантиновский, Почаевский, Режицкий и Черкасский полки) – минчанами. Эта дивизия воевала на Кавказском фронте, в частности, участвовала в захвате турецкого города Трапезунда. Целиком «минским» по составу был и 455-й пехотный Понеховский полк, входивший в состав 114-й пехотной дивизии.

В октябре 1915 года в результате успешной оборонительной операции русской армии фронт стабилизировался на линии Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск. В Минске разместился штаб нового Западного фронта во главе с генералом от инфантерии А.Е.Эвертом. Он занимал здание Минской мужской гимназии на улице Губернаторской (ныне на этом месте бульвар на улице Ленина). Значительная часть территории Беларуси – 50 тыс. квадратных километров – оказалась под оккупацией Германии. Эту территорию оккупанты назвали Land Ober Ost и поделили на три округа – «Курляндия», «Белосток – Гродно» и «Литва». Кроме того, территория, непосредственно примыкавшая к линии фронта, называлась Operationsgebiet. В нее вошли Опшяны, Новогрудок, Барановичи, Пинск, Пружаны. На подконтрольных Германии территориях был установлен жесткий оккупационный режим.

Восточная часть Беларуси оставалась в составе Российской империи. Здесь продолжалась тыловая жизнь, неотъемлемой частью которой к 1915 году стала деятельность земских союзов. 30 июля 1914 года в Москве на съезде уполномоченных российских земств был основан Всероссийский Земский Союз (ВЗС), а 8–9 августа 1914 года, тоже в Москве, на 1-м Всероссийском съезде городов был создан Всероссийский Союз Городов (Согор), к декабрю 1915 года объединивший 494 города России. Съезды избрали главные комитеты союзов во главе с главноуполномоченными (земского – князь

Восточная часть Беларуси оставалась в составе Российской империи. Здесь продолжалась тыловая жизнь, неотъемлемой частью которой к 1915 году стала деятельность земских союзов. 30 июля 1914 года в Москве на съезде уполномоченных российских земств был основан Всероссийский Земский Союз (ВЗС), а 8–9 августа 1914 года, тоже в Москве, на 1-м Всероссийском съезде городов был создан Всероссийский Союз Городов (Согор), к декабрю 1915 года объединивший 494 города России. Съезды избрали главные комитеты союзов во главе с главноуполномоченными (земского – князь

Г.Е.Львов, городского – Московский городской голова М.В.Челноков). Были созданы уездные, губернские, фронтовые и областные комитеты ВЗС и Согора. Вначале союзы занимались главным образом помощью больным и раненым (оборудование госпиталей, санитарных поездов, пунктов питания, заготовка медикаментов, белья, обучение медицинского персонала). В дальнейшем они стали также выполнять заказы главного интендантства на одежду и обувь для армии, организовывали помощь беженцам. Финансы союзов складывались из правительственных субсидий, а также взносов местных организаций союзов и пожертвований. 10 июля 1915 года, в момент самого большого напряжения на фронте, с целью мобилизации кустарной промышленности для снабжения армии вооружением и снаряжением был создан объединенный комитет, получивший название «Земгор». Формально ВЗС и Согор были упразднены 4 января 1918 года уже Советской властью.

На территории Белоруссии действовали 9 городских комитетов Согора. Перечислим их состав поименно:

Витебский Согор. Председатель горкома – городской голова Литевский Василий Елисеевич, заместитель – Борис Андреевич Бялыницкий-Бируля. Члены: В.П.Бомас, Д.К.Веглин, П.Ф.Коссов, П.И.Синеоков, Ф.Е.Стурницкий, А.Ф.Стырикович, В.В.Федорович, К.А.Шишко.

Гомельский Согор. Председатель горкома – городской голова Фен-Раевский Федор Матвеевич, заместитель – И.П.Максимов, члены: Агроскин И.И., Гропииков К.П., Иванов К.Г., Калиновский М.В., Поляков М.П., Трофимовский С.А., Шабуневский С.Д., Щекудов Т.Ф.

Двинский Согор (нынешний латвийский Даугавпилс тогда был в составе Витебской губернии). Председатель горкома – член Государственной думы Кириллов Степан Родионович.

Минский Согор. Председатель горкома – Хржонстовский Станислав Брониславович, заместитель председателя – В.О.Янчевский, члены – Э.Л.Ивашкевич-Рудошанский, А.И.Лопатин, К.О.Фалькович, Д.Н.Шапиро, Я.А.Шуберля.

Могилевский Согор. Председатель горкома – Бехли Юлиан Юльевич, заместитель председателя – Н.П.Ялутин, члены К.В.Бакин, Р.К.Битнер, И.Е.Видорович, М.Ю.Галиновский, С.С.Ждан-Пушкин, С.И.Казакович, Л.Я.Кокошинский, А.В.Королько, Е.В.Ольдеков, С.Т.Плецинский, П.П.Сторожевич, И.А.Хозеров, В.В.Черняк.

Мстиславльский Согор. Председатель горкома – городской голова Борисенко Евгений Васильевич.

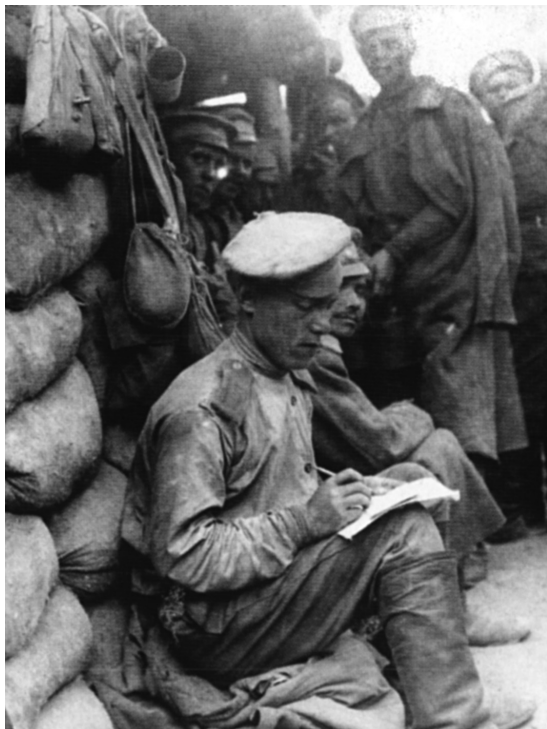
Оршанский Согор. Председатель горкома – городской голова Вартман Витольд Иванович.

Чаусский Согор. Председатель – Яроцкий-Бубель Николай Дионисьевич.

Невельский Согор (нынешний российский Невель входил в состав Витебской губернии). Обязанности комитета выполняла городская управа во главе с городским головой Пантелеем Артемием Ивановичем.

Практически везде Согор смыкался с городской властью: в Витебске, Гомеле, Мстиславле, Орше, Чаусах горком возглавлялся городским головой, а в Невеле он одновременно был и городской управой.

Со структурами Земгора были тесно связаны Военно-промышленные комитеты, координировавшие деятельность предпринимателей в условиях войны. Центральный ВПК в мае 1915 года возглавил А.И.Гучков, местные отделения действовали в Вильно, Гродно, Белостоке, Минске, Слониме, Пинске, Бобруйске, Могилеве, Полоцке и Витебске.

Земгор, ВПК и их многочисленные дочерние организации давали возможность «приспособиться» в тылу многим вполне подлежащим призыву личностям. Таким образом «откосили» от фронта не менее 150 тыс. (!) человек. В их числе были и банальные трусы и шкурники, и «рабы искусства» (поэты, актеры, художники и т.п., не желавшие защищать «реакционный режим» или просто «марать рук» винтовкой), и «идейные» – в частности, большевики, которым Земгор дал прекрасную возможность, сидя в тылу, контролировать немалые средства и сеять провокационные слухи. Некоторые большевики потом с удовольствием вспоминали службу в Земгоре. Так, Н.Кражанский писал: «Я – нелегальный, проживающий по чужому паспорту, привлеченный по ряду политических процессов, в том числе и по ст. 102 (принадлежность к партиям, ставящим своей целью ниспровержение существующего строя... и т. д.), – еду в Ставку, резиденцию царя... На мне шинель солдатского покроя, пашка на левом боку. На фуражке – офицерская кокарда. Погоны в одну полоску (капитанские!) с вензелем «ВЗС» (Всероссийский земский союз). Большой элегантный чемодан набит бельем, дорожными туалетными принадлежностями, в нем же шикарная офицерская тужурка, несколько бульвар-

ных романов (все для конспирации!) Пока я не арестован, я – важная персона: «военный корреспондент» и должен соответственно себя вести. Молва удесятирила размеры гонораров военных корреспондентов».

Правда, открыто гордиться своим положением служащие Земгора и прочие «тыловики» все же не рисковали. Наоборот, всюду подчеркивали свою связь с фронтом, с войной. Этому способствовала военизированная форма, внешне напоминающая офицерскую – упомянутые Н.Кражанским красивые погоны с витым вензелем ВЗС, фуражка с кокардой и пашка, как правило, путавшаяся в ногах при ходьбе (в русских военных училищах с пашкой учили садиться, ходить и т.п., в то время как земгоровцам таких уроков, конечно, никто не давал). Вообще-то введение такой формы было оправдано – уполномоченным Земгора нередко приходилось выезжать на передовую, и общаться по какому бы то ни было вопросу со штатским там никто не стал бы. Но форма сыграла с земгоровцами злую шутку, в народе для таких «вояк» быстро придумали хлесткое прозвище «земгусары».

Офицеру-фронтовику Б.Г.Вержболовичу внешний облик «земгусар» запомнился так: «Это были кители, френчи, рейтузы, бриджи, высокие сапоги и обязательно со шпорами. На серые или черные шинели офицерского образца с блестящими пуговицами надевали полное офицерское кожаное снаряжение с пашкой, револьвером, полевой сумкой, даже с биноклем, а иногда и с кинжалом на животе. На погонах были самые различные знаки и буквы, часто вензеля с коронами, если эти учреждения находились в ведении какого-либо Великого князя или княгини. Такие разодетые герои тыла очень скоро получили удачное прозвище земгусар».

Эмигрантский журнал «Воин» в 1922 году так писал о них: «Мимо них шла облитая кровью война. А молодые чопорные денди, сыновья скучающих отцов и Мессалин-матерей, не слышали призыва Родины, затыкали уши от криков раненых и призраков смерти. Они, чтобы не стыдно было встречать взгляды девушек и калек в серых шинелях на костылях, тоже одели шинели. Они устроили маскарад Великой Войны. Они нарядились в фантастические формы, одели сабли, погоны и вензеля. Веселье «Земгусары». Блестящие «Уланы Красного Креста». Они появились в глубоком тылу в банных легучках, питательных пунктах, перевязочных отрядах и сберегли свое гнусное, похотливо жалкое тело крестина, раба и труса...»

Неопытные солдаты нередко принимали «земгусар» за офицеров и козыряли им, чему «земгусары», понятное дело, очень радовались. Зато само офицерство ни в грош не ставило «коллег» и всячески это подчеркивало. В мемуарах Н.Н.Головина, в 1915 году – вольноопределяющегося, есть такой выразительный эпизод: «Издеваемся над военными чиновниками. Увидев идущего по тротуару чиновника, взводный подает команды «Отставить песню!», «В рядах равняйся!», а затем «Смирно!» и подносит руку к козырьку, но тотчас же опускает ее, командует: «Отставить!» и, обращаясь к чиновнику, говорит: «Извините, господин военный чиновник, мне показалось – вы офицер». А тот бедняга, только что приосанившийся, никнет и как побитый идет дальше». Память и знание уставов подвели мемуариста – военных чиновников (к ним относились, к примеру, военврачи) в Русской Императорской армии требовалось приветствовать по той же форме, что и офицеров. Так что речь тут идет, конечно, о «земгусарах». Кстати, именно в их среде в «легальной» русской разговорной речи впервые прописалось обращение «товарищ»: так чиновники ВЗС именовали друг друга (к начальству обращались по имени-отчеству).

Тем не менее, несмотря на стойкое отрицательное отношение к Земгору общественности, во многих вопросах он оказался гораздо «поворотливее» государства. Например, летом 1915 года именно ВЗС фактически спас от голодной смерти и оказал первую помощь в устройстве на новом месте миллионам беженцев, сорванных с мест войной. В тыловых городах были развернуты сотни общежитий и приютов Земгора, столовых, где люди могли получать горячую пищу, бесплатные клиники и юридические консультации для несчастных, потерявших семью и собственность. Только в Минске, к примеру, Земгору принадлежало 10 общежитий для беженцев. Кроме того, Земгор организовывал обучение (а часто и питание) детей в освобожденной от оккупантов сельской местности. И именно Земгор первым в России, не дожидаясь, пока подключатся армейские структуры, наладил быстрый выпуск противогазных масок. Всего их выпускалось 15 вариантов, из них 4 были разработаны местными отделениями Земгора – «маска минского образца», «маска Московского горкома ВЗС», «маска Петроградского горкома Согора» и «маска смоленского образца».

Очень многое сделал Земгор и для медицинского обеспечения армии: из 255 военно-санитарных поездов, курсировавших между фронтом и тылом, к сентябрю 1915 года, 50 принадлежало ВЗС и 13 – Согору (в то время как Российскому Обществу Красного Креста, к примеру, – только 10). К февралю 1917 года на фронтах действовало 76 полевых госпиталей, 215 передовых медотрядов и летучек, 242 конно-санитарных транспорта и 157 дезинфекционных отрядов, подчиненных не военно-медицинскому ведомству, а общественным организациям, в том числе Земгору. Многие «земгусары» самоотверженно трудились там на самых разных должностях – от военных врачей до санитаров. Кстати, резерв военврачей в России к началу Великой войны был мизерным (на всю страну 432 человека), так что львиная доля медицинских должностей в армии к 1917-му была занята именно людьми, входившими в структуры Земгора.

И все-таки само существование людей, готовых и стремившихся осесть в тыловых структурах, говорило о многом.

(Продолжение следует).